

Сметана Владимир Васильевич,
кандидат философских наук, директор,
АНО НИИ «ЦИФРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ»
Smetana Vladimir,
Candidate of philosophical sciences, PhD,
DIGITAL INTELLIGENCE RESEARCH INSTITUTE

**БУДУЩЕЕ ТРУДА И ОБЩЕСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ
И РАЗРУШЕНИЕ В ЭПОХУ СИНГУЛЯРНОСТИ
THE FUTURE OF WORK AND SOCIETY: TRANSFORMATION
AND DESTRUCTION IN THE AGE OF SINGULARITY**

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению трансформации труда и социальной структуры в контексте приближения к технологической сингулярности. В отличие от технодетерминистских подходов, рассматривает сингулярность не как фиксированное событие, а как процесс глубинной онтологической и социальной ломки. Опираясь на концепцию «Активная жизнь» (Vita Activa) Ханны Арендт и теорию пролетаризации Бернара Стиглера, в работе анализируется эрозия традиционных форм деятельности (труда, созидания и действия) под влиянием автоматизации и алгоритмического управления.

Особое внимание уделяется критике возникающей социальной стратификации и формированию «бесполезного класса» (Ю.Н. Харари), что ставит под вопрос легитимность меритократии (М. Сэндел). В статье рассматриваются конкурирующие экономические модели пост-дефицитного общества – от «коллаборативной общины» Дж. Рифкина до «дерост-коммунизма» К. Сайто, а также анализируются механизмы алгоритмической власти как новой формы биополитики. Рассматриваются идеи русского космизма (Н. Федоров, В. Вернадский) и этику ответственности Г. Йонаса для поиска нормативных рамок, способных обеспечить сохранение человеческой субъектности.

В заключении предлагается типология сценариев будущего (цифровой феодализм, гуманистическая сингулярность, коллапс), делается вывод о необходимости перехода от логики эффективности к примату этического суждения и социальной справедливости.

Abstract. This article explores the philosophical transformation of labor and social structure in the context of the approach to technological singularity. Unlike technodeterministic approaches, it views singularity not as a fixed event, but as a process of profound ontological and social disruption. Drawing on Hannah Arendt's concept of Vita Activa and Bernard Stiegler's theory of proletarianization, the paper analyzes the erosion of traditional forms of activity (labor, creation, and action) under the influence of automation and algorithmic control.

Particular attention is given to the critique of emerging social stratification and the formation of a "useless class" (Yu.N. Harari), which calls into question the legitimacy of meritocracy (M. Sandel). This article examines competing economic models of a post-scarcity society—from J. Rifkin's "collaborative community" to K. Saito's "derost-communism"—and analyzes the mechanisms of algorithmic power as a new form of biopolitics. The ideas of Russian cosmism (N. Fedorov, V. Vernadsky) and G. Jonas's ethics of responsibility are explored in the search for a normative framework capable of preserving human agency.

The conclusion offers a typology of future scenarios (digital feudalism, humanistic singularity, collapse), and concludes on the need to shift from the logic of efficiency to the primacy of ethical judgment and social justice.

Ключевые слова: Технологическая сингулярность, философия труда, автоматизация, искусственный интеллект, ИИ, биополитика, пост-дефицитная экономика, «беспольный класс», Бернар Стиглер, цифровой пролетариат, цифровой разрыв, цифровые двойники, двойники данных, датафикация, техно-геополитика, космополитизм, космизм, ноосфера, цифровой феодализм, гуманистическая сингулярность.

Keywords: Technological singularity, philosophy of labor, automation, artificial intelligence, AI, biopolitics, post-scarcity economy, “useless class”, Bernard Stiegler, digital proletariat, digital divide, digital twins, data twins, datafication, techno-geopolitics, cosmopolitanism, cosmism, noosphere, digital feudalism, humanistic singularity.

Глава 1. Феноменология сингулярности и горизонт событий

Современная философская и социологическая мысль все чаще обращается к концепции технологической сингулярности не как к сюжету научной фантастики, а как к неизбежному онтологическому горизонту, который требует фундаментального переосмысления человеческого состояния. В основе этого дискурса лежит гипотеза о том, что ускорение технологического прогресса, особенно в области искусственного интеллекта (ИИ), приведет к созданию сущностей, чьи когнитивные способности радикально превзойдут человеческие. Так, Виндж прямо связывает «интеллектуальный взрыв» (термин, который он развил на основе идей Ирвинга Гуда) с моментом возникновения сверхчеловеческого интеллекта, и что этот момент станет «сингулярностью», аналогичной гравитационной сингулярности в физике, где привычные модели экстраполяции и законы человеческой истории перестают работать [1]. Также, «интеллектуальный взрыв», знаменует собой разрыв в исторической преемственности, точку, за которой предсказание будущего становится невозможным для нынешнего человеческого разума.

Исторические корни этой идеи уходят глубже, чем принято считать. Еще в XIX веке Сэмюэл Батлер в своем сатирическом произведении «Едгин» (Erewhon) и эссе «Дарвин среди машин» предвосхитил эволюцию механизмов, которые могут развить сознание через процесс естественного отбора, аналогичный биологическому. Американский историк Генри Адамс в начале XX века, применяя законы термодинамики к истории, предложил формулу ускорения прогресса, зависящую от энергопотребления общества, что стало одним из первых теоретических обоснований экспоненциального роста. Впоследствии Ирвинг Джон Гуд в 1965 году формализовал концепцию «интеллектуального взрыва», утверждая, что первая ультра-интеллектуальная машина станет «последним изобретением, которое человеку когда-либо придется сделать» [2].

Однако современный дискурс о сингулярности, популяризированный Вернором Винджем и Рэем Курцвейлом, сталкивается с серьезной философской и научной критикой. Виндж рассматривает сингулярность как событие, которое положит конец человеческой эре в ее привычном понимании, предлагая сценарии слияния с машинами или замещения ими [1]. Курцвейл, опираясь на закон ускоряющейся отдачи, рисует более утопическую картину интеграции биологического и небиологического интеллекта, ведущую к фактическому бессмертию и расширению сознания во вселенную [3].

Критики, такие как Дэвид Торстад, подвергают сомнению экономические и физические допущения этой гипотезы. Они указывают на то, что исторически технологический прогресс часто следует S-образной кривой логистического роста, где за фазой ускорения следует насыщение и замедление [4]. Торстад аргументирует, что предположения о бесконечном экспоненциальном росте вычислительных мощностей и интеллекта игнорируют физические ограничения (например, тепловыделение процессоров или пределы миниатюризации) и убывающую отдачу от инвестиций в исследования. Тем не менее, даже если «жесткая»

сингулярность не будет достигнута, вектор движения в сторону автоматизации когнитивного труда и создания автономных агентных систем уже трансформирует социальную ткань [5].

Центральным вопросом является не столько техническая вероятность наступления сингулярности к конкретной дате (например, 2045 году), сколько анализ сингулярности как процесса социальной трансформации. Как отмечает Бернар Стиглер, мы уже живем в состоянии «антропологического шока», вызванного тем, что техническая эволюция опережает способность социальных организаций к адаптации. Это создает ситуацию «системной глупости», когда рост вычислительных мощностей сопровождается деградацией человеческого знания и социальной ответственности [6].

Таким образом, далее, следует рассмотреть, как эта трансформация перекраивает онтологию труда, экономические модели, структуры власти и само понимание человека, опираясь на широкий спектр философских традиций – от феноменологии и марксизма до русского космизма и теорий справедливости.

Глава 2. Онтологическая трансформация труда: концепция «Активная жизнь» (Vita Activa)

Труд традиционно являлся не просто способом экономического выживания, но и фундаментальным механизмом формирования человеческой идентичности и социализации. В эпоху сингулярности и повсеместной автоматизации сама онтология человеческой деятельности подвергается эрозии. Для анализа этого процесса наиболее продуктивным представляется обращение к политической философии Ханны Арендт и ее концепции «Активная жизнь» (Vita Activa).

Трихотомия Арендт и автоматизация. В своей работе «The Human Condition» Арендт [7] выделяет три основных вида человеческой деятельности: труд (*labor*), созидание (*work*) и действие (*action*). Каждая из этих категорий по-разному реагирует на вторжение искусственного интеллекта.

- **Труд (Labor):** Деятельность, связанная с биологическим выживанием и поддержанием жизненных процессов (производство еды, уборка, рутинные операции). Арендт отмечала цикличность и «пожирающий» характер труда, который не оставляет после себя прочных следов. Автоматизация в первую очередь нацелена на эту сферу. Парадокс заключается в том, что освобождение от тягот труда, о котором мечтало человечество, в «обществе трудящихся» (*society of laborers*) оборачивается катастрофой, так как у людей отнимается единственная деятельность, в которой они видят смысл своего существования. Если машина берет на себя обеспечение биологических нужд, человек рискует превратиться в пассивного потребителя, лишенного связи с реальностью через усилие.

- **Созидание (Work):** Создание «искусственного мира» вещей, которые переживают своих создателей (архитектура, инструменты, искусство). Это сфера *homo faber*, человека-творца. Генеративный ИИ (*Generative AI*) сегодня вторгается именно в эту область, ранее считавшуюся исключительно человеческой прерогативой. Когда алгоритмы начинают проектировать здания, писать код или создавать картины, граница между человеческим творчеством и машинной генерацией стирается. Это вызывает кризис целеполагания: если машина может создать объект быстрее и «лучше» (по заданным метрикам), то в чем заключается роль человека-мастера? Арендт предупреждала, что инструментализация мира (отношение к вещам только как к средствам) может привести к утрате самооценности человеческого мира.

- **Действие (Action):** Политическая деятельность, взаимодействие между людьми через речь и поступки в публичном пространстве. Это высшая форма активности, конституирующая свободу и историю. Наибольшая угроза ИИ кроется в возможности замены политического действия алгоритмическим управлением (*governance*). Когда решения о

социальной политике, правосудии или распределении ресурсов принимаются «черными ящиками» алгоритмов на основе больших данных, пространство для публичных дебатов и человеческих суждений заканчивается. Политическое действие превращается в поведение (behavior), которое можно предсказывать и модулировать, но не инициировать, как акт свободы.

Бернар Стиглер и энтропия автоматического общества. Французский философ Бернар Стиглер углубляет этот анализ, вводя понятие «автоматического общества» [8]. Для Стиглера техника является конститутивной для человека (человек есть «техническое животное»), но современные цифровые технологии приводят к процессу пролетаризации. Вслед за Марксом, описавшим пролетаризацию ручного труда (когда рабочий теряет мастерство и становится придатком машины), Стиглер говорит о пролетаризации духа или когнитивной пролетаризации.

Внешняя память (цифровые носители, базы данных) заменяет внутреннюю память и когнитивные способности. Мы теряем savoir-faire (умение делать) и savoir-vivre (умение жить), делегируя их смартфонам, навигаторам и экспертным системам. Это ведет к росту энтропии – социальной и психической дезорганизации.

Стиглер противопоставляет автоматизации понятие негентропии (negentropy) – способности разума создавать новые порядки и смыслы. Он утверждает, что будущее труда должно заключаться не в конкуренции с машинами в эффективности (битве, которую человек неизбежно проиграет), а в развитии «де-автоматизирующих» способностей – творчества, заботы, импровизации. Экономика будущего, по Стиглеру, должна быть экономикой вклада (contributory economy), где ценится развитие человеческих способностей, а не просто рыночная стоимость.

Отчуждение и новые формы занятости. Трансформация труда также проявляется в изменении его социальной формы. Традиционная занятость сменяется гиг-экономикой (люди выполняют разовые заказы или краткосрочные проекты) и платформизацией, где работник формально автономен, но фактически подчинен жестким алгоритмическим правилам платформы. Это создает новый вид отчуждения: работник не видит конечного продукта, не взаимодействует с коллегами (социальная изоляция) и не имеет возможности влиять на условия своего труда, которые диктуются непрозрачным кодом.

Исследования показывают, что в условиях высокой автоматизации растет спрос на «микротруд» (microwork) – выполнение мелких задач по разметке данных для обучения ИИ. Этот «труд-призрак/ призрачный труд» (ghost work) часто остается невидимым, низкооплачиваемым и лишенным социальных гарантий, формируя новый глобальный класс «цифрового пролетариата» [9].

Таким образом, вместо освобождения от рутины, ИИ часто создает новые формы рутинного когнитивного труда, необходимого для обслуживания самих машин.

Глава 3. Экономические системы в эпоху пост-дефицита: между утопией и реальностью

Технологическая сингулярность ставит под вопрос базовую аксиому классической экономики – дефицит ресурсов. Если нанотехнологии и робототехника позволят манипулировать материей на атомарном уровне, а ИИ оптимизирует производство и логистику, стоимость производства большинства товаров может стремиться к нулю. Это открывает перспективу перехода к пост-дефицитной экономике.

Общество с нулевыми предельными издержками. Джереми Рифкин в своей концепции «третьей промышленной революции» аргументирует, что капитализм подрывает сам себя через механизм конкуренции, заставляющий снижать издержки [10]. В цифровой экономике предельные издержки копирования информации уже близки к нулю. Рифкин

предсказывает распространение этой логики на физический мир через Интернет вещей (IoT), возобновляемую энергетику и децентрализованное производство (3D-печать).

В этом сценарии на смену рыночному обмену приходит «коллаборативная община» (collaborative commons). Люди становятся «просьюмерами» (производителями-потребителями), которые создают, делятся и потребляют блага в горизонтальных сетях. Примерами служат Википедия, Linux, каршеринг и реер-to-реер энергетика. Рифкин полагает, что капитализм не исчезнет мгновенно, но перейдет в нишевое состояние, уступив доминирующую роль экономике совместного использования.

С позиции критика Рифкина, однако, можно отметить, что снижение издержек производства не обязательно ведет к снижению цен для потребителя, если контроль над платформами и инфраструктурой (серверами, патентами, сырьем) остается монополизированным. Возникает риск «платформенного феодализма», где доступ к «бесплатным» благам обменивается на персональные данные и поведенческий контроль.

Полностью автоматизированный роскошный коммунизм (FALC). Более радикальную левую перспективу предлагает Аарон Бастани в манифесте «Fully Automated Luxury Communism» [11]. Он утверждает, что кризисы капитализма (климатический, демографический, экономический) могут быть разрешены только через ускорение технологического прогресса, а не через возвращение к примитивизму. К основным вопросам FALC можно отнести: автоматизация труда, энергетическое изобилие, космические ресурсы, синтетическая биология

Бастани призывает «оседлать» эти технологии и изъять их из логики прибыли, превратив в общественное достояние. В таком обществе базовые услуги (транспорт, жилье, интернет, питание) должны быть бесплатными (Universal Basic Services, UBS), а понятие «роскоши» демократизируется [12].

Критика этой модели фокусируется на ее технологическом детерминизме и игнорировании политической борьбы. Без активного политического действия технологии скорее приведут к «роскошному варварству» для элит, чем к коммунизму для всех. Кроме того, марксистские экологи указывают на то, что даже автоматизированное производство требует материального субстрата и энергии, что может усугубить экологический кризис, если не отказаться от императива бесконечного роста.

Дерост-коммунизм (Degrowth Communism) и экологический марксизм. В противовес техно-оптимизму Бастани, японский философ Кохэй Сайто предлагает концепцию «дерост-коммунизма», основанную на перепрочтении поздних экологических тетрадей Маркса. Сайто утверждает, что бесконечный рост производительных сил на ограниченной планете невозможен, даже с ИИ [13].

С точки зрения дероста, сингулярность не должна быть целью. ИИ следует использовать не для увеличения потребления, а для оптимизации ресурсов, сокращения рабочей недели и восстановления экосистем. Плановая экономика, управляемая демократически с помощью алгоритмов, может обеспечить «изобилие» не в смысле бесконечного потребления товаров, а в смысле изобилия свободного времени и качества жизни. Это перекликается с идеей «общественного богатства» у Маркса, которое измеряется не стоимостью товаров, а развитием человеческих способностей.

Глава 4. Социальная стратификация и «беспольный класс»: кризис меритократии

Одной из самых тревожных перспектив сингулярности является фундаментальное изменение структуры социального неравенства. Если индустриальная революция породила рабочий класс, эксплуатируемый капиталом, то революция ИИ может породить «беспольный класс» – людей, которые не эксплуатируются, а игнорируются экономической системой.

Антропология «бесплезного класса». Юваль Ной Харари утверждает, что основная угроза XXI века – это не эксплуатация, а иррелевантность. Поскольку организмы рассматриваются как алгоритмы, а ИИ учится взламывать человеческую биологию и психологию, большинство людей могут утратить свою экономическую и военную ценность. ИИ превзойдет человека не только в физическом труде, но и в когнитивном: от диагностики заболеваний до биржевой торговли и программирования [14].

Возникновение класса Человек бесполезный (*Homo Inutilis*) создает беспрецедентный политический вызов. Традиционные социалистические и профсоюзные стратегии, основанные на силе забастовки («без нас вы не сможете»), теряют смысл, если экономика функционирует без участия масс. Социальный контракт рушится: элиты могут больше не чувствовать обязательств обеспечивать образование, здравоохранение и благосостояние для населения, которое им не нужно ни как рабочая сила, ни как солдаты (войны ведут дроны).

Меритократия как тирания. Философ Майкл Сэндел рассматривает этический аспект этой трансформации через критику меритократии. В своей книге «Тирания заслуг: что стало с общим благом?» он показывает, как вера в то, что успех зависит исключительно от таланта и усилий, привела к высокомерию победителей и унижению проигравших. В эпоху ИИ эта проблема обостряется до предела.

Если ИИ обесценивает большинство человеческих навыков, то на чем будет строиться человеческое достоинство? Общество, которое ценит человека только за его рыночную полезность («умные» против «глупых», «адаптивные» против «устаревших»), обрекает большинство на моральную деградацию. Сэндел призывает переосмыслить понятие «вклада в общее благо». Мы должны ценить труд не только за его экономическую эффективность, но и за социальную значимость (уход за людьми, обучение, искусство, гражданская активность), которую ИИ (пока) не может полностью заменить в этическом смысле, даже если может имитировать функционально [15].

Эпистемическая несправедливость и цифровой разрыв. Неравенство в эпоху ИИ имеет не только экономическое, но и эпистемическое измерение – неравенство в доступе к знанию и способности производить смыслы. Так Цифровой разрыв (*Digital Divide*) трансформируется в «ИИ-разрыв» (*AI Divide*). Страны и корпорации, владеющие вычислительными мощностями и наборами данных, получают колоссальное преимущество перед остальным миром, фактически колонизируя будущее. А системы ИИ, обученные на данных Глобального Севера, часто игнорируют или искажают культурные контексты, знания и ценности других регионов, навязывая унифицированную (часто предвзятую) картину мира. Это ведет к «алгоритмическому угнетению», когда маргинализированные группы не только исключаются из благ, но и подвергаются усиленному цифровому надзору и дискриминации.

Глава 5. Биополитика и алгоритмическое управление: от дисциплины к контролю

В эпоху сингулярности власть меняет свою модальность. Так Мишель Фуко описывал переход от суверенной власти (право убить) к биополитике (власть над жизнью, управление населением) [16]. А Жиль Делез, развивая идеи Фуко, провозгласил переход от «общества дисциплины» (завод, школа, тюрьма) к «обществу контроля» (сетевые протоколы, коды доступа, непрерывный мониторинг) [17]. ИИ становится совершенным инструментом этого общества контроля.

Алгоритмическая правительственность (*Algorithmic Governmentality*). Антуанетта Рувруа и другие теоретики описывают феномен алгоритмической правительственности как способ управления, который обходит сознание субъекта. В отличие от закона, который устанавливает нормы и требует их соблюдения (субъект может подчиниться или нарушить), алгоритмы действуют на уровне предиктивного моделирования и архитектуры выбора (наджинг) [18].

- **Упреждение (Preemption):** Система стремится нейтрализовать риски до их реализации. Например, предиктивная полиция задерживает потенциального преступника не за то, что он сделал, а за то, что он, согласно профилю, может сделать с высокой вероятностью. Это разрушает презумпцию невиновности и саму идею морального выбора.

- **Датафикация и «двойники данных»:** Человек превращается в набор данных (dividuals – «дивиды» по Делезу). Решения о кредитах, страховке, доступе к границам принимаются не на основе диалога с личностью, а на основе анализа ее цифрового двойника.

- **Поведенческая модификация:** Как отмечает Шошана Зубофф в концепции «надзорного капитализма», цель платформ – не просто предсказать поведение, но и направить его в нужное русло для извлечения прибыли, лишая человека внутренней автономии [19].

Глобальное управление и суверенитет. Развитие AGI создает вызовы для Вестфальской системы национальных государств. Цифровые платформы обладают властью, сопоставимой с государственной (выпуск валют, цензура информации, идентификация граждан).

- **Техно-геополитика:** Гонка за создание суперинтеллекта напоминает ядерную гонку. Государство, первым получившее ASI, может получить неоспоримое доминирование («победитель получает все»).

- **Космополитизм:** Философы призывают к созданию наднациональных структур управления ИИ, основанных на принципах космополитической справедливости. ИИ рассматривается как глобальный риск и глобальное благо, требующее координации за пределами национальных интересов. Однако на практике мы видим фрагментацию интернета («splinternet») и усиление цифрового суверенитета (Китай, ЕС, Россия, США выстраивают свои барьеры).

Глава 6. Русская философия и ИИ: от космизма к диалогу сознаний

В глобальном дискурсе об ИИ часто упускается из виду вклад российской философской традиции, которая предлагает оригинальные онтологические и этические перспективы.

Русский космизм и ноосфера. Русский космизм (Н. Федоров, К. Циолковский, В. Вернадский) предвосхитил многие идеи трансгуманизма, но с существенными этическими отличиями. Для космистов человек – это не венец творения, а этап эволюции, призванный стать активным управителем космоса.

- **Николай Федоров:** Ставил задачу «регуляции природы» (включая преодоление смерти) как «Общее дело» всего человечества [20]. Технология здесь – сакральный инструмент исполнения божественного замысла по воскрешению предков и освоению вселенной. ИИ может рассматриваться как инструмент для сбора и обработки информации о всех живших людях, необходимый для их восстановления.

- **Владимир Вернадский:** Концепция ноосферы (сферы разума) описывает переход биосферы в новое состояние под воздействием научной мысли и труда [21]. Сингулярность можно интерпретировать как фазовый переход к зрелой ноосфере, где коллективный интеллект человечества и машин образует единую планетарную систему управления. Это созвучно современным идеям «Гайи 2.0» или планетарных вычислений.

Проблема сознания. В советской и постсоветской философии сознания сформировался подход к пониманию идеального.

- **Давид Дубровский:** Развивает информационный подход к проблеме «сознание-мозг». Он трактует субъективную реальность как информацию о текущем состоянии системы, данную самой этой системе в «чистом виде». Дубровский критикует редукционистские подходы и утверждает, что для создания сильного ИИ (AGI) необходимо моделировать не только логические операции, но и ценностно-смысловые структуры субъективной

реальности. Он видит перспективу в конвергенции естественного и искусственного интеллекта, но настаивает на сохранении человеческой автономии [22].

• **Владислав Лекторский:** Рассматривает ИИ через призму культурно-исторической психологии и деятельностного подхода. Он предупреждает об опасности редукции человека к алгоритму. Лекторский подчеркивает, что сознание существует не внутри черепной коробки, а в системе взаимодействий человека с миром и другими людьми. ИИ – это часть нашей расширенной когнитивной системы («экзокортекс»). Опасность сингулярности не в восстании машин, а в том, что человек, делегируя машинам функции принятия решений, сам начинает мыслить, как машина, утрачивая субъектность и ответственность [23].

Таким образом, русские авторы акцентируют внимание на том, что «проблема ИИ» – это прежде всего проблема самого человека, его ценностей и границ его самопонимания.

Заключение.

Анализ показывает, что технологическая сингулярность не является predetermined точкой прибытия, а представляет собой спектр вероятностных сценариев, зависящих от сегодняшних социальных и политических решений.

Так Сценарий «Цифровой феодализм» (или «Роскошное варварство»): ИИ усиливает неравенство. Элиты, владеющие технологиями, живут в пост-дефицитном изобилии и долголетьи, защищенные алгоритмическими армиями. Массы «бесполезного класса» существуют на минимальное пособие в условиях тотального цифрового контроля и репрессивной биополитики. Демократия сворачивается.

В сценарии «Гуманистическая сингулярность» (Коллаборативная община / FALC): технологии становятся общественным достоянием. Автоматизация освобождает человека от труда ради выживания. Общество переходит к экономике творчества, заботы и исследований. Реализуется идеал Аристотеля: «Если бы ткацкие челноки ткали сами... господам не нужны были бы рабы» [24].

А в сценарии «Катастрофический коллапс»: экологические пределы роста или военный конфликт с использованием автономного оружия приводят к разрушению цивилизации до наступления позитивной сингулярности. Либо реализация «проблемы контроля» (Alignment problem), когда ИИ оптимизирует мир способом, несовместимым с человеческой жизнью.

Таким образом, выбор между этими сценариями лежит не в плоскости инженерии, а в плоскости политики и этики. Как показывает наследие Ханны Арентс, Бернара Стиглера и русской философии, технология никогда не бывает нейтральной. Будущее труда и общества зависит от того, сможем ли мы подчинить логику алгоритмической эффективности логике человеческого смысла, справедливости и ответственности перед биосферой. Сингулярность – это экзамен на зрелость человечества, который нам еще предстоит сдать.

Список литературы:

1. Vinge, V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era / V. Vinge // Whole Earth Review. – 1993. – No. 81. – P. 88–95.
2. Good, I. J. Speculations Concerning the First Ultrainelligent Machine / I. J. Good // Advances in Computers. – 1965. – Vol. 6. – P. 31–88.
3. Kurzweil, R. The Law of Accelerating Returns / R. Kurzweil. – Текст : электронный // KurzweilAI.net. – 2001. – March 7. – URL: www.kurzweilai.net (дата обращения: 17.03.2026).
4. Thorstad, D. The Stagnation Argument / D. Thorstad. – Текст : электронный // Global Priorities Institute. – Oxford University, 2022. – URL: globalprioritiesinstitute.org (дата обращения: 17.03.2026).
5. Thorstad, D. The Stagnation Argument / D. Thorstad. – Text : electronic // Global Priorities Institute. – Oxford: University of Oxford, 2022. – URL: globalprioritiesinstitute.org (дата обращения: 17.03.2026).

6. Stiegler, B. *States of Shock: Stupidity and Knowledge in the 21st Century* / B. Stiegler ; translated by D. Ross. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 280 p.
7. Arendt, H. *The Human Condition* / H. Arendt. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 349 p.
8. Stiegler, B. *Automatic Society. Volume 1: The Future of Work* / B. Stiegler ; translated by D. Ross. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 352 p.
9. Gray, M. L. *Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass* / M. L. Gray, S. Suri. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2019. – 272 p.
10. Rifkin, J. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism* / J. Rifkin. – New York: St. Martin's Press, 2014. – 368 p.
11. Bastani, A. *Fully Automated Luxury Communism: A Manifesto* / A. Bastani. – London; New York: Verso, 2019. – 288 p.
12. Бастани, А. Полностью автоматизированный роскошный коммунизм: манифест / А. Бастани; перевод с английского Н. Эдельмана. – Москва: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2020. – С. 205–230. – (Серия «Garage.txt»).
13. Saito, K. *Slow Down: The Degrowth Manifesto* / K. Saito; translated by B. Bergstrom. – New York: Astra House, 2024. – 256 p.
14. Harari, Y. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* / Y. N. Harari. – London: Harvill Secker, 2016. – 448 p.
15. Сэндел, М. Тирания заслуг: что стало с общим благом? / М. Сэндел; перевод с английского А. Кавтарадзе. – Москва: Альпина Паблишер, 2022. – 336 с.
16. Фуко, М. Воля к знанию. История сексуальности. Том 1 / М. Фуко; перевод с французского С. Табачниковой. – Москва: Канон+: ИТРО «Реабилитация», 1996. – С. 238–268.
17. Делез, Ж. Post-scriptum к обществам контроля / Ж. Делез ; перевод с французского С. Фокина // Переговоры. 1972–1990 / Ж. Делез. – Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2004. – С. 226–233.
18. Rouvroy, A. *Gouvernementalité algorithmique et perspectives d'émancipation* / A. Rouvroy, T. Berns // Réseaux. – 2013. – No. 177. – P. 163–196.
19. Zuboff, S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power* / S. Zuboff. – New York: PublicAffairs, 2019. – 704 p.
20. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела: [в 2 т.] / Н. Ф. Федоров; под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. – Москва: Эксмо, 2008. – 752 с. – (Антология мысли).
21. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетная сила / В. И. Вернадский; ответственный редактор Ф. Т. Яншина. – Москва: Наука, 1991. – 271 с.
22. Дубровский, Д. И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение / Д. И. Дубровский. – Москва: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. – 208 с.
23. Лекторский, В. А. Искусственный интеллект в структуре когнитивной деятельности / В. А. Лекторский // Человек. – 2020. – Т. 31, № 6. – С. 24–36.
24. Аристотель. Политика / Аристотель; перевод с древнегреческого С. А. Жебелева // Сочинения: в 4 т. / Аристотель ; общая редакция А. И. Доватура. – Москва: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 382. – (Философское наследие).

